

Алла Аронова

Триумф Минервы: военные праздники в России (1730–1770)

Статья посвящена изменениям, произошедшим в сценарии и сценографии военных празднований в послепетровское время. Рассматриваются главные празднования периода правления Анны Иоанновны (капитуляция Гданьска и Белгородский мир), Елизаветы Петровны (Абосский мир и Семилетняя война), а также первая военная победа Екатерины II — мир с Османской империей в 1775 году. Анализ сценарной идеи и художественных средств, которыми она реализовывалась, показал, что появление на российском престоле женщин в роли главы государства заставило разработчиков военных празднеств менять средства артикуляции имиджа власти и выстраивать в каждом конкретном случае обновленный или совершенно новый триумфальный спектакль.

Ключевые слова:

мирный договор, военный триумф, парад,
Петр I, Анна Иоанновна,
Елизавета Петровна, Екатерина II,
гвардия, армия,
шествие, колесница,
триумфальная арка,
фейерверк.

Военные победы — важнейшая составляющая имиджа власти. Для эпохи Петра война за обретение страной экономически выгодных морских побережий заняла две трети отпущенного ему времени и превратилась в основную стратегическую задачу государственной жизни. Как следствие — многочисленные победы были использованы для публичной репрезентации фигуры монарха. Военный триумф стал главным светским праздником первой трети XVIII века, а образ императора-воина — его лейтмотивом.

В проведении и оформлении военных праздников сложились определенные правила. Торжества длились несколько дней, а иногда растягивались на месяцы. Они начинались на поле битвы, где проходили церемонии выхода побежденных военных из захваченного города и праздничные пиры в ставке победителей. Вторым актом было торжественное шествие в столичном городе (Москве или Петербурге) войсковых подразделений во главе с военачальниками по определенному маршруту, специально оформленному триумфальными арками и триумфальными комплексами. В этом мероприятии, как правило, всегда принимал участие сам Петр I. Последняя часть празднования — торжественный банкет, часто сопровождавшийся или завершавшийся фейерверочным представлением, он проходил в специально построенных для этого временных сооружениях или главных зданиях города (триумфальных светлицах и шатрах в Москве, зданиях Сената, Почтового дома, дворцах знати и царя в Петербурге). Важную роль в петровских военных торжествах играли маскарадные шествия и представления, в частности шутовские свадьбы и кортежи, церемонии Всешутейшего собора. Итоги военных достижений на протяжении всех лет правления Петра I задавали тему Новогоднему фейерверку (на Красной площади и Царицыном лугу в Москве, на Неве и Троицкой площади в Петербурге).

После смерти Петра Россия не перестала воевать и, втянутая в международные политические игры, принимала участие в выгодных ей военных альянсах, одновременно решая свои проблемы. На двух

экономически важных морских направлениях: юг — Черное море, запад — Балтийское море, добиться задуманного Петру удалось только на западе. Выход к Черному морю пришлось завоевывать его преемникам, точнее преемницам-императрицам, племяннице Анне Иоанновне (1730–1740) и вдове внука Екатерине II (1762–1796), на долю дочери царя-реформатора — Елизаветы Петровны — выпал жребий подтвердить достижения Северной войны.

При женском правлении фортуна продолжала благоволить державе. Побед было больше, чем поражений, и к концу столетия основные внешнеполитические проблемы были решены. На долю государственной жизни каждой из императриц пришлось по несколько военных кампаний, однако, как показывают документы, в это время военный триумф утратил статус главного источника праздничного конструирования и репрезентации власти. Исчезли многочасовые победные шествия полков по улицам Москвы под триумфальными арками и проходы кораблей по Неве в Петербурге. Начиная с 1730-х годов одержанные победы, после получения известия, отмечались только благодарственными молебнами в присутствии императрицы и двора в одной из петербургских церквей (Петропавловском соборе, придворной церкви, церкви Рождества Богородицы), пушечным салютом с Петропавловской и Адмиралтейской крепостей, яхт и кораблей, стоявших на Неве. К этому иногда добавлялся торжественный обед с тостами за добрый мир и оружие «Ее императорского величества».

По-прежнему победа русской армии оставалась главной темой новогоднего фейерверка, а также диктовала фабулу фейерверков, посвященных празднованию тезоименитства, дня рождения и дня коронации императорской особы.

Проблема, с которой впервые столкнулись и которую должны были решить идеологи военных праздников в 1730-е годы, — женская персона правителя страны, не вписывавшаяся в привычный стереотип восприятия государя как воина, участвующего в сражении, и главнокомандующего, возглавляющего армию¹.

АННА ИОАННОВНА

Аннинское правление во многом стало продолжением правления петровского. Племянница великого преобразователя старалась придерживаться сложившихся в первой четверти века традиций [7; 8; 9]. Ее двор

в течение восьми лет из десяти пребывал на берегах Невы, и именно здесь устраивались празднования военных побед, достигнутых в двух кампаниях: польской и русско-турецкой.

Первая кампания длилась три года — с 1733-го по 1735-й. Россия, участвуя в ней, подтверждала свою претензию на роль игрока европейской политики. Благодаря усилиям русской армии под управлением генерала Петра Ласси и фельдмаршала Бурхарда Христофора фон Миниха на польском престоле был утвержден саксонский курфюрст Август III [10; 11]. Кульминацией военных действий стала капитуляция города Гданьска 26 июня 1734 года, которую Миних назвал «польской викторией» [12, с. 165].

В месте победы все торжественные мероприятия были такими, как и в царствование Петра. Установка российского штандарта на стенах крепости Вестерншанц, пушечный салют с крепостных стен, выход польского гарнизона «с обычной церемонией» — оружием, знаменами и пушками, которые они складывали к ногам российского и саксонского генералитета (14 июня). Миних сообщал императрице: «Крепость Вексельмюнде и Вестерншанцы, яко ключи города Гданьска, без пролития крови получили» [12, с. 157]. 26 июня Гданьск капитулировал, и церемония выхода полков из стен города повторилась [12, с. 167].

1 Интересный материал к этой теме дают события первого года правления Анны Иоанновны. 12 февраля 1730 года, через день после приезда в село Всехсвятское и перед торжественным въездом в Москву, она провозгласила себя шефом (полковником) Преображенского полка и капитаном эскадрона кавалергардов [2, с. 355]. Наблюдавший в первые дни правления Анны Иоанновны за перипетиями придворной борьбы французский посланник Маньяр отметил, что «здесь имеют весьма высокое мнение о личных достоинствах новой Царицы, так как известно, что царь Петр I весьма ценил достоинства этой Государыни, высказывая не раз сожаление, что она не может изменить своего пола, чтобы иметь возможность применить великие таланты» [3, с. 495]. Летом того же года, находясь в Измайлове, императрица окружила свою резиденцию лагерями Преображенского, Семеновского, Бутырского, Московского и кавалергардского полков, которые перед дворцом «чинили экзерцицию» [4, с. 240], и регулярно их инспектировала [5, с. 179, 182]. 26 июня Анна Иоанновна во время парада Семеновского и Преображенского полков «яко полковник оных полков в своем месте стать изволила» [5, с. 215]. В сентябре она учредила новый Измайловский полк, который 17 февраля 1731 года присягал на Царицыном лугу, после чего «отнесены были знамена в дом ее императорского величества при препровождении всего полка». Весной гвардия «перед ее императорским величеством за Донским монастырем полками чинили экзерцицию и палили, а потом все три полка сведены в батальон-каре, и по три патрона выпалено в том же каре залпом». Лето 1731 года Анна Иоанновна провела в новом дворце Анногофе, что опять сопровождалось размещением по соседству с резиденцией армейских полков [4, с. 243]. 15 августа 1735 года императрица объявила себя полковником Измайловского полка [6, с. 9].

Торжественный въезд фельдмаршала произошел 30 июня. «...при въезде моем в город, — писал Миних, — встречал меня в наружных воротах комендант и от всех караулов чинены были надлежащая салютация», после чего весь генералитет участвовал в церковной службе, для русских солдат прошел всенародный молебен, завершившийся троекратным пушечным салютом [12, с. 168].

В Петербурге в это время также происходили особые торжества, однако они заметно отличались от петровских. С мая, после переезда двора в Летний дворец, в дни получения реляций о победах императрица регулярно проводила смотры полков (Преображенского, Измайловского, Астраханского, Конной гвардии, Кадетского) на лугу у Летнего сада, наблюдая за ними, в том числе из специально поставленного в саду шатра [13, с. 198, 206, 210, 213, 214, 222].

Особенно выделялась церемония шествия на смотр Конной гвардии в день гвардейского праздника 25 июня (Благовещение). Поскольку Анна Иоанновна назначила себя их полковником 31 декабря 1730 года [14, с. 39], она возглавляла шествие. Полковая квартира гвардии располагалась в районе Смоляного двора. Возможно, либо оттуда, либо с начала Невской перспективы или от Зимнего по Немецкой улице двигался во главе гвардейского полка роскошный кортеж царственной полковницы. Ведомости сообщали: «Перед ним шел экипаж Ея Императорского Величества следующим порядком: 1) четыре ездовые гренадера, 2) придворный квартирмейстер, 3) придворный литавщик, 4) 6 придворных трубачей, 5) придворный фурир, 6) 22 лакея верхами, 7) один лейбпаж, 8) 4 камерпажа, 9) один футтер маршал, 10) шталмейстер, 11) Ея Императорского Величества шестью возниками заложенная статская карета, при том 2 пажа, 2 скорохода и четыре по сторонам идущие гайдука, 12) один берейтор, 13) 12 пар заводных лошадей. Перед лейб-компаниею вели два конюха Ея Императорского Величества лошадь в зело богатом верховом уборе. По сторонам оныя шли два скорохода, а позади два берейтера. Все Штаб и Обер Офицеры вели перед собою и за собою своих заводных лошадей вести, при чем славный экипаж господина Ритмейстера Графа фон Бирона от всех прочих был отменен» [13, с. 214]. Таким образом, 25 июня, в день получения известия о взятии крепости Вексельмюнде, последнего препятствия, мешавшего взятию Данцига, в центре столицы произошло торжественное публичное военное шествие во главе с императрицей.

Вскоре, 3 июля, была получена реляция о капитуляции Данцига. Ее отметили в тот же день после обеда, пушечным салютом с Петропав-

ловской, Адмиралтейской крепостей и яхт на Неве [13, с. 222]. Через пять дней 8 июля в праздник Явления иконы Пресвятой Богородицы в граде Казани состоялось празднование этой победы, то есть оно было увязано с важным для семьи Романовых и Российского государства церковным событием и памятным знаком — иконой Казанской Божией Матери, вновь привлекавшей к себе внимание двора в правление Петра I.

Сначала в Летнем дворце придворные поздравляли императрицу, потом она отправилась под залпы пушечного салюта водой в Петропавловский собор, где зачитали манифест о победе, отслужили благодарственный молебен и Феофан Прокопович произнес речь. Возвращение во дворец также сопровождалось салютом, а пешая и конная гвардия встречала кортеж на лугу беглым огнем. Далее прошел публичный обед с концертом в Летнем саду и бал [13, с. 232].

Описание обеда оставлено женой английского посла леди Рондо. Анна Иоанновна с семьей находилась в гроте и сидела под балдахином. «По всей длине аллеи тянулся длинный стол, — писала Рондо, — одним концом упирившийся в стол императрицы в гроте императрицы. Над этим длинным столом был навес из зеленого шелка, поддерживаемый витыми колоннами, которые снизу доверху были украшены сплетенными живыми цветами» [15, с. 219]. Между колонн в нишах живой изгороди стояли буфеты с посудой и фарфором. В обеде участвовали 300 человек. Вечером в саду зажгли иллюминацию, и он превратился в бальную залу, причем музыкантов разместили в боскетах, так что их было не видно и звуки музыки чудесным («божественным», по мнению леди Рондо) образом наполняли сад [15, с. 220].

Фельдмаршал Миних вернулся в Петербург только 2 октября и в этот же день был принят императрицей в Летнем дворце, причем никаких особых церемоний не устраивалось [13, с. 422]. До конца года никаких больше праздничных мероприятий, посвященных победам в польской войне, не происходило.

Новогодний фейерверк, зажженный перед Зимним дворцом на Неве, как обычно, подводил итоги прошедшего 1734 года. Он включал в себя иллюминацию в театре фейерверков и фейерверк на льду Невы. Иллюминация изображала трехпролетную триумфальную арку с надписью: «Победоносному великодушному императрице Анны» [1, с. 210]. Фейерверк состоял из пяти планов. На центральном представляла императрица Анна Иоанновна в образе «Минервы, сидящей на престоле и держащей в правой руке статуетку победы, а левой копье», увитое лаврами.

На ее груди висела медаль с Российским гербом. Минерва-императрица сидела под балдахином, над которым располагалась надпись: «Новые годы, новые триумфы» [1, с. 210]. На остальных, меньших четырех щитах по сторонам от главного были изображены пальмы с арматурами, под которыми лежали пленники. Описание и изображение огненных представлений раздавали придворным 1 января. Текст, в котором сообщалось, что «Весь свет с отдаванием Ея Величеству справедливой славы признает, что ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО своих противников во первых мудростию и силою одолевает, а потом с неслыханной ревностию старается и победительницею их сердец учиниться», был опубликован в «Санктпетербургских ведомостях» за 1735 год [16, с. 6–8].

Первое викториальное празднование Анны Иоанновны показало, что не все сценографические разработки петровского времени привлекли внимание «постановщиков» этого торжества. В Петербурге не было полноценного военного шествия победившей армии, в некотором смысле его заменил смотр Конной гвардии. Из пространств, вовлекавшихся в праздник, совершенно выпали Троицкая площадь и Троицкий собор, что, возможно, связано с плохим состоянием деревянной церкви и указом 1732 года о ее перестройке в камне. Вероятно, поэтому местом чтения манифеста о победе и молебна в присутствии императрицы был выбран законченный и освященный 29 июня 1733 года Петропавловский собор — самая значительная культовая постройка столицы.

Однако день празднования назначили на церковный праздник иконы Казанской Божией Матери. В этой связи уместно вспомнить, что с 1721 года эта икона, принадлежавшая матери Анны Иоанновны царице Прасковье Федоровне, находилась в Троицком соборе². Анна Иоанновна в сентябре 1733 году инициировала строительство на Невской перспективе новой дворцовой церкви Рождества Богородицы [18, с. 265]. Это произошло в самом начале польской войны. В новой церкви предполагалось поместить Казанскую икону, так как первоначально она также находилась в церкви Рождества Богородицы на Городовом острове.

Проведение военных смотров и бала в Летнем саду показало, что центр городских торжеств начал смещаться на Адмиралтейский остров и в район дворцовой застройки. В период второй военной кампа-

2 Первоначально в 1711 году Казанская икона находилась в часовне Казанской иконы Божией Матери, а с 1712 по 1721 год — церкви Рождества Богородицы на Городовом острове, после чего была перенесена в Троицкий собор [17, с. 302].

нии — Русско-турецкой войны — за Невской перспективой и Адмиралтейской частью окончательно закрепляется статус главных городских праздничных пространств.

Забегая вперед, скажем, что освящение церкви Рождества, построенной архитектором Иоганном Бланком, произошло в период второй военной кампании³. И уже 21 августа императрица использовала ее для чтения манифеста и благодарственного молебна о взятии Очакова [19, с. 549].

Пятилетняя война с турками (1735–1739), которой аннинское правительство хотело взять реванш за неудачный Прутский поход Петра, закончилась в 1739 году подписанием Белградского мирного договора (7 сентября), ратификация которого прошла в Константинополе (17 декабря)⁴. С момента получения известия о мире началась подготовка к его масштабному празднованию. Все викториальные торжества провели с 27 января по 17 февраля 1740 года, то есть в период трех последних недель перед началом Великого поста.

В отличие от войны за польское наследство, турецкая кампания решала внутривнутриполитические задачи империи, в течение пяти лет военных действий неоднократно случались победы, что всякий раз становилось предметом праздничной артикуляции. Так что, прежде чем наступило празднование мира в 1740 году, в столице на протяжении пяти лет проходили викториальные торжества.

Первые действия русской армии начались в 1735 году, поэтому новогодний и коронационный фейерверки провозглашали процветание империи и радость «польской виктории» при императрице Анне Иоанновне. «Благия нам тобою лета» гласила надпись на щите 1 января [20, с. 5–8]. 28 апреля, в день празднования коронации, фейерверк демонстрировал российскую императрицу, перед которой преклоняла колена Польская республика, а также российскую империю и польскую вольность, обнимающих плодоносное дерево, на котором сидел польский орел [20, с. 141–144].

1736 год принес в Русско-турецкой войне несколько важных побед: завоевание Перекопа (10 мая), Козлова (16 июня), Бахчисарая (17 июня), Азова (20 июня). Известие об овладении Перекопом пришло в Петербург

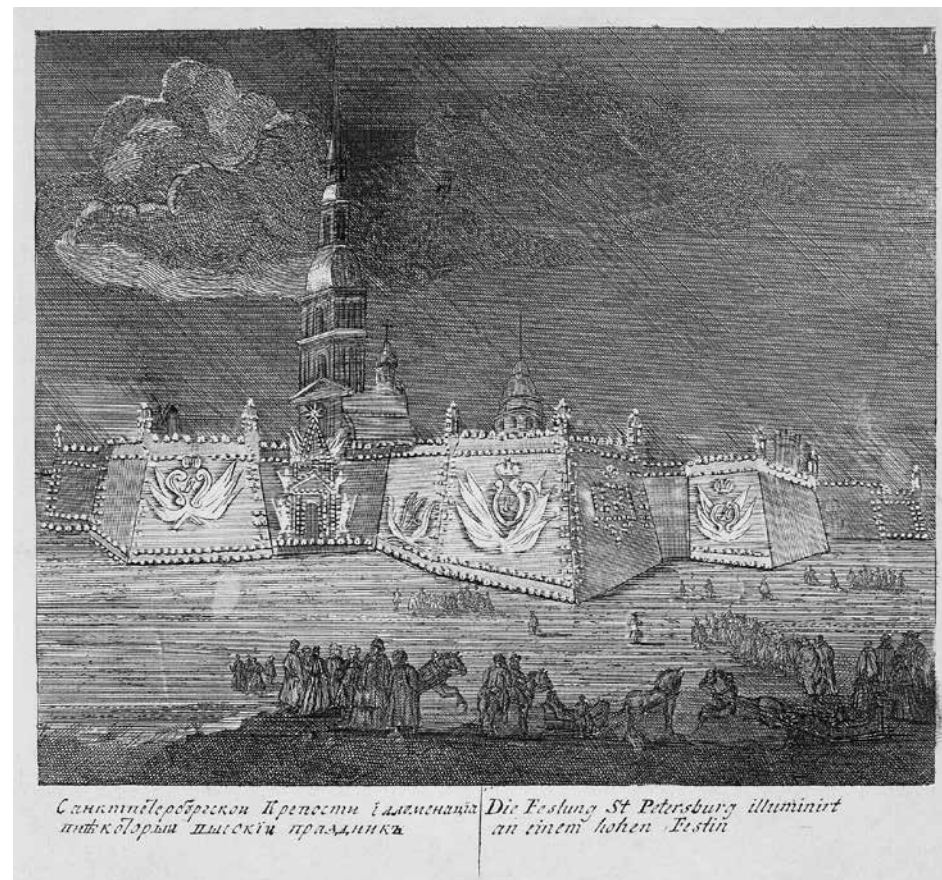
3 Церковь освятили в присутствии императрицы 13 июня 1737 года [19, с. 379].

4 Турецкая война принесла России половинчатый результат. Южные побережья были частично завоеваны, но без права иметь флот в Черном море.

2 июня. Императрица сразу же отправилась в Петропавловский собор на благодарственный молебен и объявление о победе «при пушечной с крепости и с адмиралтейства пальбе», которая прогремела трижды [20, с. 359]. Этот ритуал она повторила 2 июля, когда пришли вести о капитуляции Азова [20, с. 430–431].

Поскольку взятие Азова завершило основные завоевания в Крыму, на 7 июля был назначен большой придворный праздник. С утра придворные поздравляли императрицу, затем служили в придворной церкви благодарственный молебен, после чего начался пушечный салют с крепостей и яхт, стоявших перед Летним садом на Неве, и ружейный — от стоявшей на лугу в параде гвардии. Следующим действием празднования стал обед на 250 персон в Летнем саду, аналогичный тому, что прошел в честь капитуляции Гданьска: Анна Иоанновна с семьей сидела за столом в гроте, гости — под специальными «шатрами» в аллеях сада, где звучала итальянская музыка. Во время десерта на столе перед императрицей появилась «зделанная из крашеного сахару крепость с двенадцатью большими и несколькими малыми пушками, посреди которых стоял Российский флаг» [20, с. 438]. Вечером начался бал. Город засиял иллюминацией, среди которой особо выделялась конструкция, выполненная придворными музыкантами и певцами перед фасадом старого Зимнего дворца. С построенного здесь специального балкона они исполняли хоровые и сольные номера [20, с. 438–439].

Иллюминации и новогодний фейерверк 1 января 1737 года отчасти отражали события года прошедшего. Огненные декорации зажгли во время бала, проходившего в Зимнем дворце. На стрелке Васильевского острова картина, горевшая красным, желтым и зеленым огнем, представляла Астрономический храм с галереями, небесными глобусами, кругом Зодиака и солнцем. Расцвеченная огнями Петропавловская крепость демонстрировала городу транспарант: «Виват императрица Анна Иоанновна. 1737». (Ил. 1.) Иллюминационные щиты стояли на валах Адмиралтейства и перед фасадами домов на Неве: Кадетским корпусом, дворцами Остермана на Адмиралтейской набережной и Миниха на набережной Васильевского острова [21, с. 6]. Участники бала танцевали в окружении огненных картин, прославлявших императрицу, так как окна парадной анфилады дворца как раз выходили на Адмиралтейство и Неву. Финальным аккордом новогоднего торжества стал фейерверк на льду Невы. Он вспыхнул, как только закончился бал, и, так же как иллюминация, демонстрировал восходящее солнце, импера-

1. Неизвестный художник. Иллюминация Санкт-Петербургской крепости «в некоторый высокий праздник» Середина XVIII века. Офорт

торскую корону и вензель императрицы, сообщая подданным: «От Бога новые годы, и новые победы» [21, с. 6].

Тема побед над турками звучала в официальных придворных торжествах: праздновании дня рождения и дня коронации российской императрицы. 28 января иллюминация на стрелке изображала Перекопскую линию с воротами и российским флагом на стене,

2. Неизвестный художник. План иллюминации и фейерверка 28 апреля 1737 года. Офорт ГМИИ им. А. С. Пушкина

а в фейерверке присутствовали как пленные турки, так и турецкое оружие [1, с. 215–216]. 28 апреля на стрелке появилась огненная триумфальная арка, а фейерверк на сей раз представлял картину всех военных действий. На главном щите двуглавый орел парил над Крымом и Черным морем, на правом — он же поднимался над устьем Дона, крепостями Азов и Лютик, на левом — над устьем Днепра [1, с. 217]. (Ил. 2.)

Новой победой 1737 года стал Очаков, взятый армией Миниха 19 июня. Находясь в Петергофе, императрица получила не только реплики, но и воинские трофеи, «при взятии города Очакова в добычу полученных»: турецкие бунчуки, знамена, полковые жезлы, серебряные щиты. Их привезли 14 августа [21, с. 543]. 21 августа, вернувшись в Петербург, Анна Иоанновна «пред полуднем изволила с великой свитою быть в церкви Рождества Пресвятыя Богородицы», где впервые прошел благодарственный молебен о победе и читали императорский манифест. Теперь проведение молебна и чтение манифеста учредили во всех петербургских церквях, по окончании чего над Невой прозвучал пушечный салют с крепостей и яхт [21, с. 549–550]. 28 августа последовало придворное празднование победы в Летнем дворце и саду. На сей раз императрица находилась в большой зале дворца, а в галерее в аллеях сада сидели офицеры. После обеда во дворце был бал [21, с. 567–568].

Итак, к середине Русско-турецкой войны актуализируется новый придворный храм — церковь Рождества Богородицы, с помещенной в ней иконой Казанской Божией Матери. Об освящении ее в 1737 году было сказано выше. Сооружение, напоминавшее Петропавловский собор, разместили на главной улице столицы, показывая, что на смену водной стихии, как главной пространственной среде петровского Петербурга, пришла земная твердь улиц, проспектов и площадей, позволявшая использовать роскошные экипажи и многочисленные кортежи.

Очередной новогодний огненный спектакль, в отличие от предыдущего, был полностью сосредоточен на достигнутых победах, что выразилось в том числе в весьма пространным (15 страниц) изложении военных действий 1737 года, опубликованном в качестве преамбулы к описанию фейерверка в «Приложении» к «Санктпетбургским ведомостям» [22, с. 1–15].

На главном плане представляла победа в воинском одеянии, идущая под лавровыми сводами в венке из пальмовых и лавровых ветвей. Под ее ногами — турецкое оружие. Она запирала ворота «1737» и открывала ключом другие — «1738». Надпись гласила: «Как заключила, так и отворяет». Это огненное зрелище аллегории победы имело задник в виде иллюминации на стрелке Васильевского острова. Здесь сияла трехпролетная триумфальная арка («победительныя и торжественныя ворота»), увенчанная арматурами из трофейного оружия, трубами, вензелем императрицы и двуглавым орлом. Во фризе горела надпись: «Анне победительнице» [22, с. 15–16].

Тема очаковской победы продолжала звучать, как и годом раньше, в других фейерверках наступившего 1738 года: ко дню рождения и коронационному. 28 января на боковых планах изобразили очаковскую крепость до завоевания (с полумесяцами на башнях) и после (с крестами) [22, с. 41–42]. 28 апреля иллюминация изображала шатер, окруженный лагерем, где находилось как турецкое оружие, так и пальмовые и лавровые деревья. В коронационном фейерверке в центре императорскую корону справа поддерживала Минерва (мудрость, любовь к добродетели и великодушные), слева — храбрость в образе мужества с российским штандартом, на боковых щитах использовались арматуры из турецкого оружия и изображения пленных турок. Надписи, превознося российскую правительницу, провозглашали: «Защита и украшение», «В смирении победительницу свою почитают», «С радостью сие Эвропа возносит» [1, с. 218–220].

1739 год стал последним в турецкой кампании. Желание завершения военных действий явно присутствовало в настроениях российского правительства. Новогодний фейерверк представил подданным храм Януса, украшенный символами войны и мира — мечем и масличной ветвью [23, с. 5–8]. В празднованиях дня рождения и коронации зазвучали мирные ноты и возникла фигура Минервы, как «совершенный образ доброго правления, которым все как в мирные так и в военные времена государству полезны науки ныне пришли в толикую степень, на какой они в России еще никогда не были» [23, с. 34]. Академия наук представила в день празднования рождения императрицы речь «Подобие Минервы в ея Императорском Величестве Анне Иоанновне...», в которой пространно обосновывала это уподобление: «Послушай токмо что самое о ней говорит искусство. Скажи же не уподобляется ли Анна богине войны? Совершенно: и еще не только в жестоких сражениях, но и во время тихого и сладкого мира, она, также как Минерва, мудрость защищает и содержит, питает науки и знания, и всех своих подданных хранит в безопасности» [23, с. 39].

В августе русская армия одержала последнюю значительную победу — захватила город Хотин. В Петербурге 13 сентября во всех церквях служили благодарственный молебен, а в Летнем дворце прошел обед и бал [24, с. 591]. В это время уже был подписан в Белграде мирный договор [7 сентября] и велась работа по его ратификации [17 декабря]. В ожидании этого события в Петербурге началась подготовка к празднованию мира с Османской Портой.

Прелюдией к праздникам был новогодний фейерверк, в котором мир и победа в женском образе возносили благодарность российской императрице: «Чрез тебя желания наши исполняются» [25, с. 10–12].

В воскресенье и канун дня рождения императрицы 27 января 1740 года по Невской перспективе прошли гвардейские батальоны «с музыкой и распущенными знаменами» под предводительством Густава Бирона, «рядовые до одного человека зеленые елевые и дубового листу пучки, но и все Офицеры лавровые ветви на шляпах имели» [25, с. 63–69]. Генерал-поручик А. В. Нащокин объяснил это тем, что «в древние времена Римляне, с победы, входили в Рим с лавровыми венцы. И было учинено в знак того древнего обыкновения, что с знатною победою над Турками возвратились» [4, с. 349]. Шествие началось от Московской Ямской слободы и двигалось по Невскому проспекту до Зимнего дворца «преизрядным порядком» [25, с. 61–92]. На этом пути продолжали стоять две триумфальные арки, возведенные ранее, в 1732 году, для торжественного въезда императрицы в Петербург после коронации⁵, однако нет свидетельств, что они специально переоформлялись. (Ил. 3–4.) Подчеркнем, что это был первый за последние два десятилетия военный парад⁶.

По завершении шествия у Зимнего дворца офицеры были приняты императрицей и угощались вином. Вечером объявили о подписании мира пушечным салютом [26, с. 76–80].

На следующий день на площади перед Зимним дворцом и на Неве начались работы «к великим иллюминациям, фейэрверкам, виноградных вин фонтанам, и к строению других богатых для публичного зрения определенных мест и машин» и объявлены дни официального празднования — 14, 15 и 17 февраля.

Но еще до этого, 6 февраля, как некая дань петровской традиции, был устроен маскарад — шутовская свадьба князя-шута Михаила Голицына и шутихи Авдотьи Бужениновой. Подготовка ее сценарно-графического решения заняла два месяца (декабрь и январь) и осуществлялась под руководством маскарадной комиссии в составе главных лиц государства вице-канцлера А. Остермана, кабинет-министров

5 Аничковы ворота (арх. Д. Трезини?) стояли у пересечения Невского проспекта и Большой Артиллерийской улицы (Лиговский проспект), Адмиралтейские ворота (арх. И. Коробов) — на пересечении Невского с Большой Луговой (Морской) улицей. Известно, что они простояли до 1742 года.

6 Предыдущий военный парад прошел в Москве в честь победы при Дербенте в 1723 году.

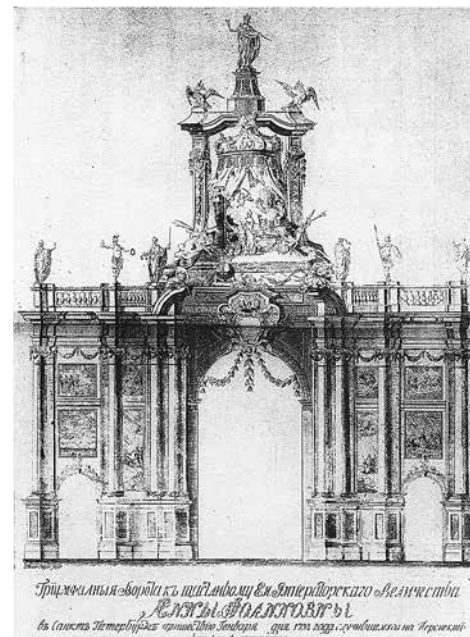
А. Черкасского и А. Волынского. Все оформление, как архитектурное (Ледяной дом, манеж Э. Бирона), так и театрально-бутафорское (костюмы и экипажи), разрабатывалось при участии Академии наук и членов Канцелярии от строения [27; 28].

По сравнению с петровскими постановками, в этом случае особое внимание было уделено свадебному покою — дому из трех убранных комнат с оградой, баней, цветочными горшками, пирамидами и слонном, выполненным из льда. Ледяной дворец стоял напротив Зимнего дворца на льду Адмиралтейского канала уже с конца декабря 1739 года [29, с. 427; 30, с. 355]. Автор его проекта пока остается неизвестным, однако, исходя из состава работавших в это время в Петербурге мастеров, им мог быть один из членов Канцелярии от строений — Михаил Земцов, Иоганн Бланк, Осип Трезини, Петр Еропкин.

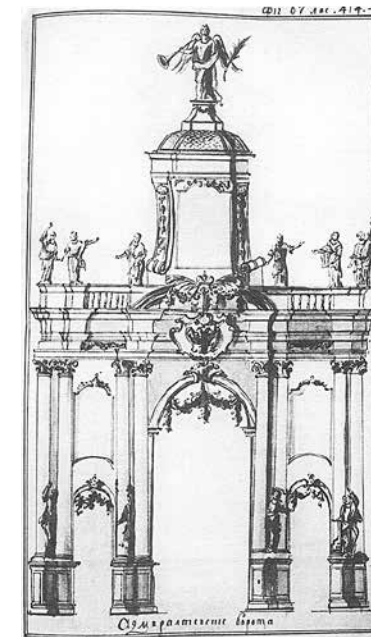
Свадебный поезд насчитывал 200 или 300 человек. Относительно характера свадебного шествия существуют разночтения между записками очевидцев [4, с. 408; 32, с. 55] и церемониалом, сохранившимся в Российской национальной библиотеке [31, с. 540–545]. В нашем случае использован последний документ, так как он позволяет «прочитать» сценографическую идею представления.

Шествие состояло из нескольких компонентов: мифологические персонажи (Сатурн, Юнона, Бахус, Янус, Нептун, сатиры, купидоны, Полярная звезда, солнце, времена года), служители и атрибуты языческого культа (жрецы, колдуны, жертвенные животные), представители разных народностей (вотяки, туганцы, лапландцы, самоеды, камчадалы, черемисы, черкесы, арапы, мордовцы, чуваша, русские), фантастические образы (живые еловые пирамиды, воин с большой головой в колпаке с перьями, скороходы с большими головами и маленькими руками и ногами, 4-рукий и 4-ногий Янус-воин), представители профессий (фурьер, пастухи, свечники, калашники), люди в диких (медвежьих шкурах) и бурлацких одеждах; музыканты с различными народными инструментами (рожками, волынками, рылями, балалайками, колокольчиками). В роли транспорта использовали колесницы, сани, линеи, лодку, качалку, запряженные различными животными и птицами (оленьями, быками, собаками, индийскими и русскими петухами, гусями, верблюдами, свиньями, козлами). Ряд участников ехали верхом: один на слоне, другие на верблюдах, коровах, быках, козлах, мелких лошадках.

В драматургии этого шествия заметно прочитывался восточный компонент. Жениха называли «ханским сыном»; главный управитель

3. Доменико Трезини. Аничковы триумфальные ворота. 1732
Гравюра Оттомара Эллигера
Библиотека РАН

4. Иван Коробов
Адмиралтейские триумфальные ворота. 1732
Ил. из кн.: Богданов А. И.
Описание Санкт-Петербурга.
1749–1751. Библиотека РАН

поезда ехал на слоне под балдахином и был одет в короткое платье, юбку с оборкой, туфли с загнутыми носами, его сопровождали двенадцать арапов; главный жрец шел пешком в шапке с полумесяцем и многоярусном платье, отделанном бахромой и колокольчиками, с кривым ножом в руке; ближние боярыни невесты передвигались на верблюдах «в клетках по персидскому обычаю». Общая идея явно была навеяна римскими сатурналиями (Сатурн, зима, жертвенные животные) и расширена дополнительными мотивами: указанием на Януса, как божества, связанного с ходом военных действий и солнцем (его называют «дурацкой воин»), и элементами ритуала римского бракосочетания (Юнона, цветочные гирлянды, веретено, прялка и др. предметы, которые несли в уборе невесты).

Вероятно, карнавальное шествие свадьбы собиралось у дома А. Во-лынского на Мойке, двигалось по Невской перспективе до Адмиралтейства, мимо Зимнего дворца по Немецкой улице до луга, где поворачивало и возвращалось в манеж Бирона на Глухой речке.

Важной особенностью этого маскарада было то, что в нем не принимали участие придворные и императрица.

14, 15 и 17 февраля торжества происходили в двух пространствах: в Зимнем дворце и на основных улицах и площадях города. В Зимнем дворце реализовывалась придворно-кулуарная часть праздника в присутствии императрицы и придворных: благодарственный молебен и чтение манифеста в придворной церкви, поздравления в большом зале, смотрения на полки гвардии из малого зала, награждения в зеркальной галерее, бал-маскарад в большом новом и старом залах. В городе звучал салют с крепостей, на льду Невы против Зимнего дворца и Адмиралтейства стояли все гвардейские полки полукругом, по главным улицам и площадям шествовали два герольда в сопровождении музыкантов, провозглашая манифест о мире и бросая в народ золотые и серебряные жетоны [25, с. 89–128].

Главным публичным событием всех трех дней были иллюминации. Городские жители должны были зажигать в окнах 10 свечей пирамидой и горящими плашками оформлять ворота домов, а фасады покрывать ельником. Петербургская и Адмиралтейская крепости были украшены по сторонам тысячами фонарей, а на валах Адмиралтейства стояли иллюминации в виде лавровых и пальмовых деревьев и щитов с императорским вензелем. В главных административных зданиях (Кадетском корпусе, Медицинской канцелярии, аптеке, 12 коллегиях) светились окна с эмблемами, цветные горящие плашки оформляли фасады.

Петербургская знать заказала к празднику свои собственные иллюминации. Так, фельдмаршал Бурхард Миних перед домом на Васильевском острове поставил трехпролетные триумфальные ворота (21 на 9,8 м), а его сын Иоганн — однопролетную арку над каналом первой линии, граф Остерман на набережной у Исаакиевской церкви — «мраморный храм» Минервы (4,9 на 2,8 м) в окружении пирамид; князь Черкасский на Дворцовой набережной возвел древнеримский амфитеатр с пирамидой в центре; генерал Левенгоде на Мойке — круглый храм с галереями. Аналогично поступил действующий президент Академии наук Бреверн, оформление дома бывшего президента Академии наук Корфа состояло из ельника и горящих плашек, изображавших садовые

аллеи, ведущие к portalу входа. Практически все описанные выше иллюминации на разные лады использовали образ Минервы, прославляя императрицу Анну Иоанновну как истинного триумфатора мирного торжества [25, с. 152–195].

Особенно отличалась иллюминация перед домом пленных турок. Здесь возникла круглая турецкая мечеть с галереями и меньшими мечетями [25, с. 192].

В последний день, 17 февраля, на площади за Зимним дворцом⁷ для народа устроили угощение, о чем в 2 часа дня сообщили герольды, а императрица и знать смотрели из окон дворца на это «приятное позорище». На площади стоял 10-ступенчатый постамент с винным фонтаном. В его резной позолоченный бассейн вино стекало струями из раковины, которую держали четыре сатиры. На расстоянии 40 шагов от фонтана возвышались два 3-ступенчатых подиума, где пирамидой были наложены разные угощения: «...несколько тысяч разных фигурами испеченных хлебов, жареных рыб, свиных окороков, жарких птиц, колбасов и множество другого как мясного, так и рыбного кушанья» [25, с. 212–213]. Все это изобилие венчали два быка с золочеными рогами. Народный пир продолжался до 19 часов. Вечером его декорация стала частью грандиозного иллюминационного зрелища, так как вокруг площади загорелась галерея с пирамидой в центре, а фонтан и подиум для еды были также иллюминированы [25, с. 217–218].

Последняя мизансцена праздника — фейерверк в 22 часа на Неве, где вновь возник образ 3-пролетной триумфальной арки коринфского ордена, сгоревший в течение 15 минут под аккомпанемент труб и литавр, после чего перед аркой появился садовый партер с пальмами, лаврами и маслинами [25, с. 218–219].

Подводя итоги, можно отметить, что в эпоху царствования Анны Иоанновны использование петровской триумфальной традиции претерпело некоторые изменения. Прежде всего это коснулось актуализации Адмиралтейской части города как главного городского пространства праздника и здания Зимнего дворца. Прекратилось строительство новых триумфальных арок, а тема арки перешла в сферу иллюминационной декорации. Усилилось значение придворных торжеств, появились новые виды временной архитектуры — павильон и шатры

7 Будущая Дворцовая площадь.

в Летнем саду. Несомненно, одна из любимейших игрушек Петра I — фейерверки и иллюминации — приобрела в 1730-е годы небывалый размах и вытеснила другие формы временной архитектуры.

Обязательной частью придворного быта стали балы-маскарады, а единственный и последний в XVIII столетии шутовской маскарад представил это петровское развлечение в новом свете, как масштабное и дорогое публичное зрелище, одновременно развлекающее, назидательное и утверждающее всеобъемлющий характер правления царственной Минервы.

Последнее качество зрелища не укрылось от понимания французского посланника де Шетарди, который, описав его в своем письме, заявил: «Забава, которую я сейчас описал, вызвана не столько желанием тешиться, сколько несчастною для дворянства политикою, которой всегда следовал этот двор <...> Подобными действиями напоминают от времени до времени знатным этого государства, что их происхождение, достоинства, почести и звания, которыми их удостаивает государь, ни под каким видом не защищают их от малейшего произвола властителя» [32, с. 56–57].

Двор Анны Иоанновны стремился соответствовать европейским стандартам, эпатаж с участием двора и главы государства перестал быть привлекательным, а фигура женщины-правительницы заставила искать адекватные ей формы репрезентации военных побед. Главное, о чем свидетельствовали описанные изменения, — это появление нового сценария, связанного с пребыванием у власти женщины. Императрицы и королевы в европейской иконографии XVI–XVIII веков представляли на картинах, медалях или в стихах в образе богини-воительницы Минервы, «экипированной» шлемом, копьем и щитом, или спутницы Марса Беллоны. Они даже могли надевать воинский костюм, но шествовать во главе победившего войска с древнейших времен должен был только мужчина-военачальник. Женщины в этой роли выступали как исключение и в официальной европейской военной репрезентации отсутствовали.

Первое после Петра женское правление императрицы Анны Иоанновны показало, что праздничной разработке стала подвергаться та сценография, которая была сопряжена с действиями, допустимыми для женской особы, — шествие в карете или шлюпке, участие в церковной службе, прием, банкет, аллегорическое представление в фейерверке, оде или посвяtitельной речи.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Преемнице Анны Иоанновны — дочери Петра I Елизавете⁸ пришлось прежде всего подтвердить завоевания отца на северном направлении. Новая война со Швецией (1741–1743) закончилась победой России и Абосским миром⁹.

В день получения донесения о заключении мирного договора (15 сентября 1743 года) императрица Елизавета, как и в предыдущее женское правление, посетила церковь Рождества Богородицы на Невском проспекте, отстояла благодарственный молебен, после чего был зачитан мирный договор. В это время вдоль проспекта стояла лейб-гвардия, играла полковая музыка, а с крепостей города и судов на Неве палили пушки. При выходе императрицы из церкви полки кричали «Виват» [33, с. 10–11]. Вечером прошел бал и торжественный ужин в Зимнем дворце. Весь город был иллюминирован [33, с. 12–14]. На Неве зажгли фейерверк, в центре которого располагался щит с изображением двуглавого орла и льва, на него слетал голубь с масличной ветвью. Надписи гласили: «Желанная приходит», «Единая разнимет»¹⁰. (Ил. 5.) 16 и 18 сентября знать пригласили на маскарады в Летний (16 сентября) и Зимний дворцы (18 сентября). Иллюминации горели в городе все три дня [33, с. 14].

В начале 1744 года¹¹ императрица Елизавета уехала в Москву, где провела почти весь год¹². Ее въезд в древнюю столицу 27 января был обставлен как триумфальное шествие. Все четыре коронационные арки, стоявшие в городе с 1742 года¹³, обновили, сохранив их архитектуру, заменили картины и скульптуру в соответствии с новыми

8 Императрица Елизавета Петровна 25 ноября 1740 года объявила себя полковником всех гвардейских полков и создала особую роту — лейб-компанию из 200 grenадеров, став ее капитаном [49]. До конца правления династии Романовых это стало правилом для всех последующих правителей России.

9 Абосский мир между Россией и Швецией был подписан 7 августа 1743 года, ратифицирован с повторением условий Ништадтского мирного договора 27 августа 1743 года.

10 Есть разночтение в источниках о дне фейерверка. На гравюре указано 15 сентября [1, с. 232]. Камер-фурьерский журнал за 1743 год пишет о 18 сентября [33, с. 14].

11 21 января 1744 года [34, с. 3].

12 Отъезд в Петербург состоялся 17 декабря [34, с. 27].

13 Коронационный въезд императрицы Елизаветы Петровны прошел 28 февраля 1742 года. К этому событию возвели четыре триумфальные арки: на Тверской улице при въезде в город (Тверские, арх. И. Коробов), на Никольской улице при въезде с Красной площади (Синодальные, арх. И. Мичурин), на Мясницкой улице при выезде из города в яузскую резиденцию (Красные, арх. М. Земцов), перед мостом через Яузу у Головинского дворца (Яузские, арх. М. Земцов).

празднуемыми событиями — победой над Швецией и заключением мирного договора [35, с. 107–108; 36, с. 350].

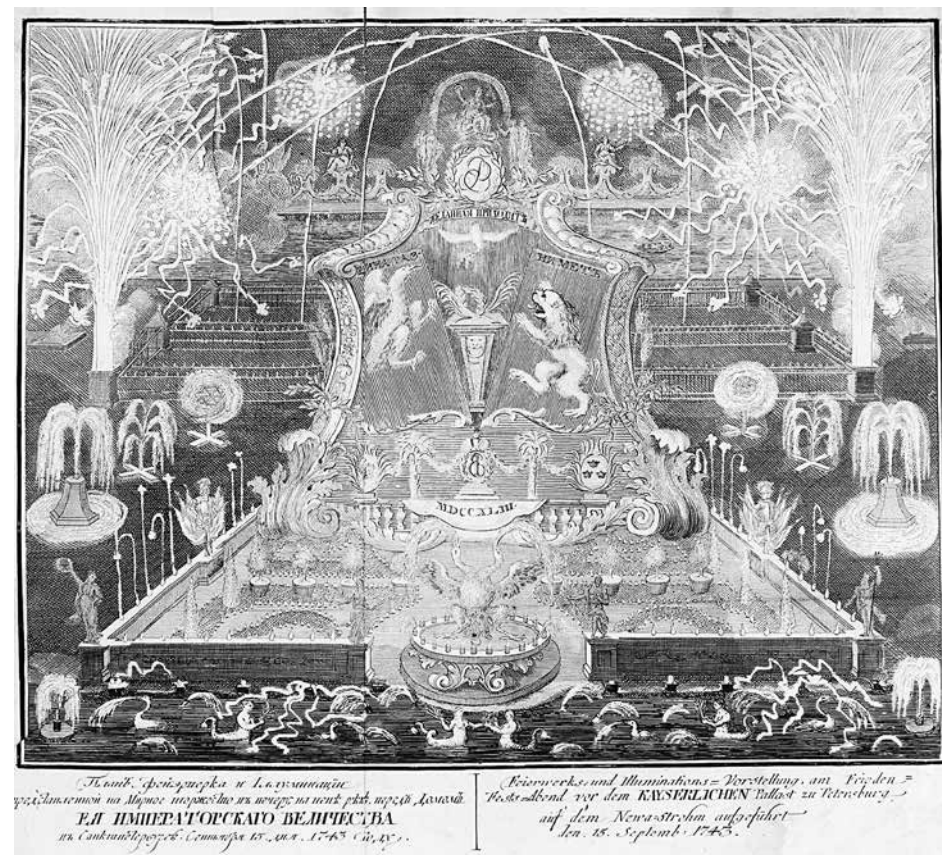
В середине своего московского пребывания (15–18 июля) императрица провела второе (как ее отец в 1723 году) торжество мира со Швецией. Оно началось в воскресенье в день памяти князя Владимира, крестителя Руси. Мероприятия происходили в Кремле, очень напоминали ритуалы коронационного торжества и свелись к благодарственному молебну в Успенском соборе, куда императрица шествовала под балдахином по Соборной площади по специально построенному красному пути. Вдоль него «с Красного крыльца до собора стояла Лейб-Компания, в две шеренги, по сторонам» [34, с. 70]. «При выходе из собора, командующий Генералитет с штаб-офицеры и рядовые, подняв шляпы и махаячи оными, трижды кричали: виват» [34, с. 74]. Затем был прием и награждения в Грановитой палате, где императрица сидела на троне. Вечером город увидел торжественное шествие императорского кортежа из 24 групп участников по Никольской, Мясницкой и Новой Басманной в Головинскую, где во время въезда императрицу встречал пушечный салют [34, с. 75–80].

На следующий день угощали народ на лугу перед яузским дворцом, а вечером был банкет и фейерверк, который смотрели из дворцовых покоев [34, с. 81]. Композиция этого зрелища использовала сценографию петербургского ништадтского фейерверка — храм Януса, двери которого закрывали два рыцаря [1, с. 232–233]. Знатные особы развлекались еще два дня (17–18 июля), ужинали во дворце, смотрели оперу «Селевк», участвовали в маскараде [34, с. 82–86]. (Ил. 6–7.)

Все три дня весь город и Немецкая слобода были иллюминированы. В 1740–1750-е годы на горожан возлагалась обязанность иллюминировать свои дома, утверждая проект оформления в городском магистрате. Проекты обычно составляли сами жители. Чаще всего горящими площадками оформляли ворота усадеб, фасады или окна домов. Таким образом, в ночное время тема триумфальной арки мультиплицировалась и становилась главной в праздничном оформлении города¹⁴.

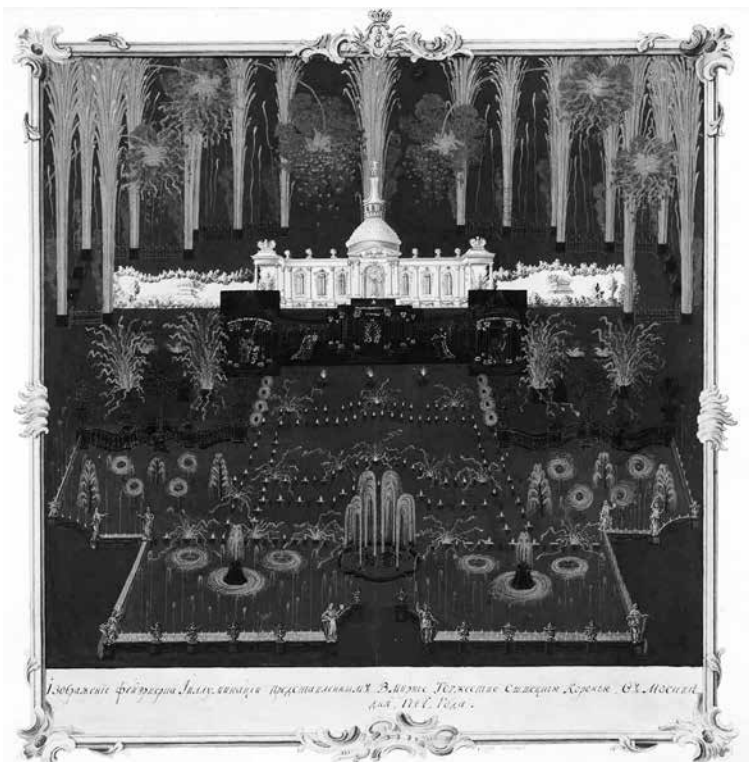
Главный внешнеполитический проект Елизаветы Петровны, после подтверждения завоеваний великого отца, — участие России в Семи-

14 Проекты оформления частных домов к коронационным торжествам Елизаветы Петровны сохранились в Архиве древних актов (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 166).

5. Григорий Качалов. План фейерверка и иллюминации 15 сентября 1743 года
Офорт. ГМИИ им. А. С. Пушкина

летней войне (1756–1763). Империя вступила в эту войну в 1757 году. В целом русское участие в кампании было удачным, и военная тема вновь стала главной в новогодних фейерверках. Как и ранее, победы отмечались молебнами, но во второй половине 1750-х возникла любопытная традиция — крещенские парады перед Зимним дворцом. Они устраивались в течение пяти лет (1758–1763). Участие военных в обряде Крещения, сопровождавшееся выходом военных подразделений

6. Федор Яковлев. План фейерверка и иллюминации 16 июля 1744 года
Бумага, гуашь, акварель, тушь, золотая краска. РНБ

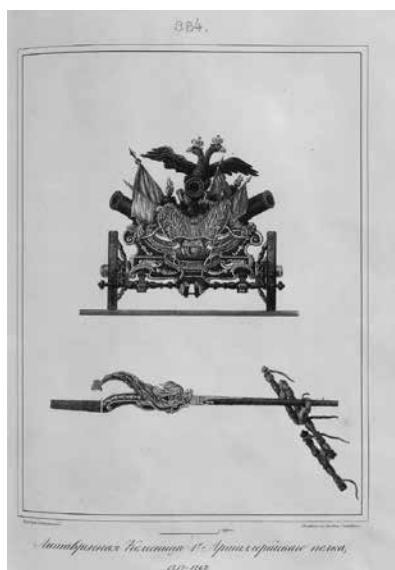
на реку к купели-иордани, возникло еще в правление брата Петра I царя Федора Алексеевича и сохранялось на протяжении всего XVIII века. Но в 1758 году, после завоевания Россией Восточной Пруссии, порядок изменили и в праздник Крещения стали проводить шествие войск, а не просто военные построения у купели на льду реки. К параду специально и задолго готовились. Процессию возглавляли артиллеристы, во главе которых двигалась литавренная колесница с установленным на ней войсковым знаменем [37]. В коляске сидел литаврец и бил в барабан [38]. Уникальный экипаж, заново воспроизведенный для крещенского парада 1760 года, сохранился в фондах Военно-исторического

7. Неизвестный художник. План иллюминации 16 июля 1744 года
Акварель. РНБ

музея Петербурга. Это роскошная колесница, украшенная рокайльной деревянной резьбой и скульптурой. На ее передней части размещена композиция из пушек, а на спинке — фигура Минервы-воительницы в шлеме с копьем и щитом. (Ил. 8–10.)

Таким образом, в елизаветинское время сценография военного триумфа была сосредоточена на приемах, разработанных прежде для коронационного торжества, и пыталась найти новые решения, развивая прежнюю формулу соединения церковного ритуала и светского праздника. Коронационная атрибутика позволяла фокусировать внимание поданных на персоне императрицы как спасительнице

8–10. Литавренная колесница 1-го Артиллерийского полка. 1757–1760. Ил. из кн.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времен. Часть 3. Спб., 1842

отечества, а церковно-военная позволяла заменить ее аллегорической фигурой богини-воительницы.

ЕКАТЕРИНА II

Говоря о первой военной кампании Екатерины II¹⁵, можно отметить, что, начиная войну с Турцией, императрица постаралась одновременно решить сложный комплекс задач: открыть России полноценный выход к Черному морю, утвердить престиж империи в системе европейских государств и реализовать свой личный долгосрочный политический проект — освобождение Константинополя от турецкого завоевания. В этом отношении она скорее повторяла опыт Петра I, чем своих предшественниц, и поскольку удача сопутствовала русскому оружию, императрица (чье пребывание на российском троне было весьма спорным), добившись решения поставленных задач, столь же серьезно (и необычно) отнеслась к репрезентации победы [39, с. 303–381].

Новая турецкая война сопровождалась победами в период всех активных лет этой кампании. Ритуал их празднования был таким же, как и в предыдущие годы. Императрица отправлялась на благодарственный молебен либо в дворцовую церковь, либо в Петропавловский собор или церковь Рождества Богородицы на Невском проспекте. В процессе движения в церковь ее приветствовали военные, после службы читали реляцию о победе и салютовали из пушек. Так происходило в 1769¹⁶, 1771¹⁷, 1773¹⁸ годах¹⁹. Этот же сценарий использовали для ежегодного празднования победы русского флота при Чесме в Эгейском море²⁰.

В августе 1774 года война закончилась²¹. Императрица получила известие вечером 23 июля, находясь в Петергофе, и после поздравлений отправилась на благодарственный молебен под пушечный салют и приветствия военных. На следующий день был праздничный обед,

15 Первая Русско-турецкая война — 1768–1774 годы.

16 Победа при Хотине [40, с. 181–187].

17 Взятие Перекопа, Кафы, Керчи, Еникале, Тулчи, Мачина, Бабадага, Гирсова, Журжи [41, с. 221–225, 249–251, 380–386].

18 Взятие Бейрута и Балаклавы. Никаких ритуалов не было.

19 Екатерине привозили ключи от завоеванных городов, а захваченные знамена демонстрировали во дворце [40, с. 177].

20 24–26 июня 1770 года. 24 июня, праздник Рождества Иоанна Крестителя, с 1771 года объявлен официальным днем памяти о Чесменской победе [41, с. 214].

21 10 июля подписали мирный договор, 11 августа его ратифицировали.

на котором пили за мир, «победоносное оружие» и здоровье главнокомандующего графа Петра Румянцева.

31 июля торжественно встретили князя Николая Репнина, бывшего от главнокомандующего с обстоятельным известием о мире, и с музыкой сопроводили во дворец. 1 августа Екатерина вернулась в Петербург под пушечный салют с Петропавловской и Адмиралтейской крепостей и с яхт на Неве.

3 августа прошло «предварительное празднование мира». Утром полки выстроились по Невскому до церкви Рождества Богородицы: Екатерина II с большим кортежем «предприняла шествие» на благодарственный молебен, здесь же был зачитан текст мирного договора, после чего начался пушечный салют. Одновременно с возвращением кортежа во дворец от церкви отъехали офицеры в сопровождении конной гвардии, трубачей, литавристов и знаменосцев, «как офицеры, так и рейтары имев на шляпах лавровые ветви». Они сопровождали секретаря Сената, который должен был в пяти частях города зачитать населению текст мирного договора [43, с. 393–438].

В январе следующего, 1775 года двор отправился в Москву, и 25 января в 12 часов дня Екатерина II совершила торжественный въезд в Москву, проехав под подновленными коронационными триумфальными арками²², где ее приветствовали городские светские и церковные власти, профессора Московского университета и офицеры. Посетив в полном императорском облачении Успенский собор, под канонаду пушечного салюта императрица отбыла в Пречистенский дворец. Вдоль всего пути стояли в параде военные, приветствуя кортеж военной музыкой и криками «ура» [44, с. 75].

Весной в Москву стали прибывать отдельные полки. Всякий раз они проходили парадным строем перед императрицей²³.

Завершение политического урегулирования отношений с Турцией прошло в марте-апреле²⁴, и 7 апреля императрица описала своему

22 К коронационному въезду 13 сентября 1762 года в городе были сделаны на Тверской две свободностоящие арки у Земляного (арх. К. Бланк) и Белого города (арх. Д. Ухтомский) и две приставные у Воскресенских ворот Китай-города (арх. В. Яковлев, С. Яковлев, И. Мергасов, И. Назаров, А. Дашков) и Никольских ворот Кремля (арх. П. Никитин).

23 Один раз она отправилась встречать войска на границу города, другой — смотрела парад из Пречистенского дворца [44, с. 67].

24 28 марта был издан Манифест о заключении мира с Османской Портой, 4 апреля подписана Конвенция с Турцией о границах [45, 14.274, 14.293].

парижскому корреспонденту барону Мельхиору Гримму сценографическую идею завершающей части торжества. «Был составлен проект празднеств, и все одно и то же, как всегда; храм Януса, да храм Бахуса, храм еще... Я рассердилась на все эти проекты и вот в одно прекрасное утро приказала позвать Баженова, моего архитектора, и сказала ему: “Любезный Баженов, за три версты от города есть луг; представьте, что этот луг — Черное море и что из города две дороги; ну вот, одна из сих дорог будет Танаис (Дон), а другая — Борисфен (Днепр); на устье первого вы построите столовую и назовете Азовом; на устье второго — театр и назовете Кинбурном. Из песку сделаете Крымский полуостров, поместите тут Керчь и Еникалѐ, которые будут служить бальными залами. Налево от Танаиса будет буфет с угощением для народа; против Крыма устроится иллюминация, которая будет изображать радость обоих государств о заключении мира; по ту сторону Дуная пущен будет фейерверк, а на месте, имеющем изображать Черное море, будут разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминируете; по берегам рек, которые в то же время и дороги, будут расположены виды, мельницы, деревья, иллюминированные дома, и, таким образом, у нас выйдет праздник без вычур, но, может статься, гораздо лучше многих других”» [46, с. 16–17].

6 июня в Москву прибыл главный герой победы генерал граф Петр Румянцев. Ему планировали триумфальную встречу, подобную римским полководцам: на Серпуховской дороге построили две триумфальные арки, а путь оформили пирамидами-obelisks. Однако граф отказался от триумфа и к изумлению встречающих, не обнаруживших рядом с арками ни войск, ни музыкантов, ни сановников, промчался без остановки в дорожной карете, объехав стороной весь триумфальный комплекс [47, с. 7]. Почему он так сделал, можно лишь предполагать. Возможно, довела уже сложившаяся за последние 40 лет традиция, отвергшая военный триумф как форму репрезентации, в которой не было места женщине, или все было проще — он ехал отдельно от военных подразделений, следовательно, просто не мог возглавить победившую армию, уже собравшуюся в Москве.

10 июля, в годовщину победы, в Кремле прошла церемония «духовного» [47, с. 9–10] празднования. Она полностью повторила сценарий и использовала сценографию елизаветинского праздника — Абосского мира. Единственная особенность — шествование перед императрицей главнокомандующего графа Петра Румянцева [44, с. 399].

21 и 23 июля должен был состояться последний и самый необычный акт мирного торжества, о котором в апреле императрица писала Гримму. Была ли она автором изложенной в письме идеи или просто описывала готовый проект, лежавший у нее на столе? Вероятнее всего, ей принадлежала формулировка нового неаллегорического подхода, а его реализация уже была результатом архитектурской фантазии.

Завершающее торжество празднования Кючук-Кайнарджийского мира прошло на Ходынском поле. Его грандиозные декорации осуществили два архитектора — Василий Баженов и его постоянный помощник в эти годы Матвей Казаков. (Ил. 11.)

Сценическое пространство праздничного «театра» воспроизводило главное достижение закончившейся войны — отвоеванные у турок черноморские территории: устья рек Дона и Днепра, Таманский и Крымский полуострова. На их берегах стояли захваченные города и крепости: Кинбурн, Таганрог, Керчь, Еникале, Азов. Каждую крепость или город представлял отдельный павильон. Композиционным центром ансамбля был полуостров Крым, расположенный на некотором возвышении. Здесь возвышался «превеликий, со множеством комнат и входов и выходов павильон, могущий поместить в себе великое множество особ знаменитейших и дворянства» [47, с. 12], символизировавший сразу две крепости — Керчь и Еникале. Он представлял собой восьмигранный объем с куполом и двумя боковыми галереями и напоминал привычные садово-парковые сооружения позднего барокко. Вокруг живописно размещались разные строения — три фортификационных укрепления в духе архитектуры Вобана, но с «готическими» башенками на стенах (они представляли крепость Азов, азовские каланчи и город Таганрог); крепость Кинбурн в виде ренессансного венецианского палаццо; театр народных развлечений с несколькими площадками, напоминавшими форты, и сценой, окруженной аркадой. Территория, отданная под «народный буфет» с быками и фонтанами вина, выглядела как регулярный партер, окруженный шатрами и фантазийными малыми павильонами. Отдельную группу сооружений составляли театр фейерверков и две иллюминации. В иллюминациях, посвященных победе и миру, мотивы классической архитектуры совмещались с различными по форме многоярусными башнями, пинаклями и шатрами. Фейерверк, устроенный как двухактное зрелище, в первом акте являл триумф классической архитектуры в духе Шарля де Вайи, а во втором — соединение классических и фортификационных мотивов.

В пространстве между павильонами стояли разнообразные корабли и яхты²⁵. Отдельно оформили подъездную дорогу, вдоль которой с одной стороны находились иллюминационные щиты, а с другой — щиты-обманки с изображением «разных родов избышек, хижин и других деревенских зданий, нарисованных довольно живо и так, что издали они казались настоящими зданиями» [47, с. 14].

Московская публика, жившая весь июль только обсуждением праздничных событий, еще до наступления официальных назначенных дней ездила на Ходынку смотреть «театр». Как показывают записки ученого и писателя Андрея Болотова, идея сценографии была не понятна, но поражала масштабом, разнообразием и великолепием приготовлений к «всемирному празднеству» [47, с. 14].

Все прояснилось 21 июля, когда императрица с кортежем придворных прибыла на Ходынку в 12.30 дня. Ее встречали военные, пушечный салют, полковая музыка. На мачтах всех кораблей развевались флаги. Она прошла в центральный павильон (Керчь-Еникале), где принимала поздравления, беседовала с приближенными и рассматривала отпечатанные изображения своего ходынского «театра»²⁶. В главный павильон были допущены дворяне первых пяти классов, которые с восторгом созерцали императрицу и главнокомандующего. Болотов писал: «Все лучшие люди и все находившееся тогда в Москве дворянство съехалось с самого утра в помянутый большой павильон <...> Но никто не обращал на себя так многие взоры, как герой сего торжества граф Румянцев: повсюду следовали за ним целым табуном, и никто не мог на него довольно насмотреться <...> И тогда-то имели мы совершенное удовольствие насмотреться, сколько хотели, императрицы» [47, с. 15]. В это же время начался народный праздник: выступали канатоходцы, акробаты, цыгане, играла роговая музыка.

Затем Екатерина со свитой и приглашенными гостями отправилась обедать в павильон Азовская каланча, где накрыли пять столов. Во время

25 Вид праздничных строений на Ходынском поле запечатлен в нескольких графических документах, хранящихся в Архиве древних актов, фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина, ГНИМА им. А. В. Щусева

26 В Музее архитектуры хранятся четыре рисунка М. Казакова с видами оформления Ходынского поля, подготовленные для гравирования; в Архиве древних актов — гравюра общего вида поля с павильонами с птичьего полета (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 159); фейерверк был издан в виде отдельной брошюры с двумя гравюрами по рисункам М. Казакова.

Весь этот день народ продолжал гулять и развлекаться, а после отъезда двора знатных гостей пригласили на холодные закуски в банкетный зал (Азовская каланча). Маскарад закончился в 5 часов утра.

Празднование Кючук-Кайнарджийского мира, первой серьезной победы екатерининского правления, показало, что сценографический опыт царственных предшественников был использован полностью (шествия под триумфальными арками, молебны, маскарад, масштабные народные гуляния и т. д.). Результат же превзошел все, что было сделано в прошедшие 40 лет преемницами Петра I в сфере триумфальной репрезентации. По масштабу и оригинальности Ходынский праздник может быть сопоставлен только с празднованиями Петровской эпохи. Его идея — триумф империи как триумф народа, достигнутый благодаря мудрой императрице — матери Отечества (*mater patriae*)²⁸. Мероприятие должно было стать впечатляющим и запоминающимся, одновременно простым, как об этом писала сама Екатерина. Никаких аллегорий и иносказаний, все предельно конкретно, насколько конкретной может быть театральная постановка. На смену символам, травестийным карнавалам или придворным увеселениям пришла сценическая условность (города — дворцы, земля — вода, садовый партер — «нагайские орды», корабль — театральная ложа и т. д.), использовавшая максимальные возможности современной временной архитектуры. Как было показано выше, Баженов и Казаков работали с разнообразным репертуаром классических и неклассических форм, а также возможностями пиротехники и иллюзорной живописи, что расширяло поле визуального воздействия на зрителя. Этим языком они демонстрировали сущность празднуемого события: классическая феерия фейерверка воплощала просвещенный современный христианский Запад в лице России, тогда как неклассическая архитектура, основанная на разных источниках, — побежденный языческий Восток²⁹. (Ил. 12–13.)

Смысл новой идеологии не укрылся от современников. В 1814 году, характеризуя прожитые годы, писатель и мемуарист Григорий Винский написал: «Екатерина <...> победами над турками и отторжением от них Крыма, сыгравши первое действие своей политической фамы, довольно

28 Этот титул был предложен Екатерине II Сенатом в 1767 году и отклонен императрицей.

29 Эта неклассическая тема в тот же год (1775) стала основной при разработке двух императорских ансамблей в окрестностях Москвы: Петровского путевого дворца (М. Казаков) и Царицына (В. Баженов).

удачно вздумала народ свой занять, ослепить, и Европе бросить несколько в глаза пыли блистательными торжествами» [48, с. 40–41].

Торжество на Ходынском поле стало последним крупным прецедентом использования временной архитектуры в России XVIII века.

Прошедшие в 1730–1770-х годах военные праздники показали, что сценография торжеств заметно изменилась по сравнению с традицией, сложившейся в петровское царствование. Главным направлением стала разработка праздничной режиссуры, артикулирующей женский имидж власти. Сократился интерес к военным шествиям, возросло внимание к тем средствам, которые позволяли репрезентировать фигуру императрицы как идейного, но не реального главнокомандующего. Если празднования аннинского времени еще сохраняли связь с военными триумфами Петровской эпохи, о чем свидетельствовала последняя в русской культуре XVIII века шутовская свадьба, то в триумфах Елизаветы Петровны и Екатерины II усилились церемониально-придворные черты, ориентированные на коронационную сценографию. Екатерининское правление внесло в репертуар военного торжества беспрецедентный по масштабу опыт публичного народного гуляния, устроенный на Ходынском поле и максимально использовавший возможности временной архитектуры. Одновременно было показано, что аллегорическая риторика праздничного высказывания начала терять свою актуальность в системе представления имиджа власти, уступая место другим формам репрезентации. Образ Минервы, в течение первых 60 лет столетия устойчиво пребывавший на российском державном Олимпе, уходил в прошлое, ему на смену приходила историческая личность, превратившая Олимп в салон интеллектуалов и клуб единомышленников.

Библиография

1. Ровинский Д. А. Обзор иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903.
2. Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 5. СПб., 1870.
3. Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 74. СПб., 1891.

4. Василий Александрович Нащокин. Записки // Империя после Петра. М., 1998.
5. Санктпетербургские ведомости. 1730 г. СПб., 1730.
6. Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1882.
7. Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны: (1730–1740). М., 2014.
8. Павленко Н. И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002.
9. Курукин И. В. Анна Иоанновна. М., 2014.
10. Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.
11. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. М., 2001.
12. Масловский Д. Ф. Атака Гданьска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года. (Сборник реляций гр. Миниха). М., 1888.
13. Санктпетербургские ведомости. 1734 г. СПб., 1734.
14. Анненков И. В. История лейб-гвардии конного полка. 1731–1848. СПб., 1849. Ч. 1.
15. Рондо. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720–1760-е годы). Л., 1991.
16. Санктпетербургские ведомости. 1735 г. СПб., 1735.
17. Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. Северо-Западная Библиотечная Комиссия. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. СПб., 1997.
18. Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008.
19. Примечания к Ведомостям. 1737 г. СПб., 1737.
20. Примечания к Ведомостям. 1736 г. СПб., 1736.
21. Санктпетербургские ведомости. 1737 г. СПб., 1737.
22. Примечание к Ведомостям. 1738 г. СПб., 1738.
23. Примечания к Ведомостям. 1739 г. СПб., 1739.
24. Санктпетербургские ведомости. 1739 г. СПб., 1739.
25. Примечания к Ведомостям. 1740 г. СПб., 1740.
26. Санктпетербургские ведомости. 1740 г. СПб., 1740.
27. Старикова Л. М. Театрально-зрелищная жизнь российских столиц в эпоху Анны Иоанновны // Вопросы театра. 2017. № 3–4. С. 206–212.
28. Погосян Е. «И невозможное возможно»: Свадьба шутов в Ледяном доме как факт официальной культуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 80–108.

29. Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Александровича Благово, 1739 и 1740 гг. // Щукинский сборник. В. 1–2. М., 1903. С. 385–455.
30. Крафт Г. В. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санктпетербурге в генваре месяце 1740 года ледяного дома. СПб., 1741.
31. Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008.
32. Маркиз де ла Шетарди в России 1740–1742 годов. СПб., 1862.
33. Камер-фурьерский журнал. 1743 г. СПб., [185-?].
34. Камер-фурьерский журнал. 1744 г. СПб., [185-?].
35. Михайлов А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954.
36. Никольский К. Т. Триумфальные ворота в Москве у Казанского собора устроенные Святейшим Синодом в царствование Петра I-го и Елизавета Петровны. СПб., 1879.
37. Дижоева А. Р. Артиллерийское полковое знамя: материалы к истории бытования // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. II. С. 25–34.
38. Успенская С. В., Маковская Л. К. Парадная литавренная колесница 1760 года для вывоза артиллерийского знамени (история создания, бытования, музеефикации, реставрации). СПб., 2009.
39. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
40. Камер-фурьерский журнал. 1769 г. СПб., [185-?].
41. Камер-фурьерский журнал. 1771 г. СПб., [185-?].
42. Камер-фурьерский журнал. 1773 г. СПб., [185-?].
43. Камер-фурьерский журнал. 1774 г. СПб., [185-?].
44. Камер-фурьерский журнал. 1775 г. СПб., [185-?].
45. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 20. 1775–1780. СПб., 1880.
46. Русский архив. 1878. Кн. 3.
47. Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Тула, 1988. Т. 2.
48. Винский Г. Мое время. СПб., б/г.
49. Демкин А. В. Лейб-компания императрицы Елизаветы Петровны (1741–1762 гг.). М., 2009.